

Последние дни оккупации: хаос и смерть

В чем боялись признаться немецкие генералы

В рамках специального проекта БЕЛТА, Министерства юстиции и нашего журнала «Архивы. Ничего, кроме правды» мы неоднократно рассказывали о гитлеровских карательных операциях. Направлены они были якобы против партизан, а на деле стали большой трагедией для мирного населения, прежде всего сельского.

Может сложиться впечатление, что в оккупированных городах жилось хоть и голодно, но более спокойно и безопасно.

Но это не так, и материалы уголовных дел против немецкого командования, хранящиеся в Национальном архиве Беларуси, бесстрастно свидетельствуют о бесконечных зверствах фашистов и массовом истреблении мирных горожан. Особенно в последние дни оккупации.

Перед моим собеседником – ведущим научным сотрудником отдела публикаций Вячеславом Селеменевым – высокая стопка потерянных папок. Здесь дела немецких генералов, осужденных на Минском (1946), Бобруйском (1947) и Гомельском (1947) процессах. Пожелтевшие листы, аккуратно заполненные рукописными и печатными строками, пахнут архивной пылью. Но после всего услышанного кажется, что источают они густой запах крови – столько жутких подробностей о фашистских зверствах скрывается под картоном с черными оттисками «МВД СССР» и «МВД БССР».

В каждом деле десятки свидетельств и доказательств, что с населением белорусских городов гитлеровцы расправлялись беспощадно: изощренно пытали, расстреливали по малейшему подозрению или просто в отместку, зимой насильно выселяли из квартир, разлучали с семьями. Если невинный попадал в тюрьму, назад дороги

не было – или на работы в Германию, или в расстрельный ров.

На процессах немецкие генералы в один голос твердили: мол, выполняли приказы вышестоящего командования и не давали распоряжений убивать мирных жителей. Но после показаний выживших свидетелей вдруг начинали «вспоминать», соглашаясь: да, нарушали все мыслимые законы войны, но «ситуация была крайне сложной».

Вячеслав Селеменев рассказывает:

– Во время допросов Эбехард Герф, бригадефюрер СС и генерал-майор полиции порядка на оккупированной территории Беларуси в 1943–1944 годах, утверждал, что Гиммлер в 1943-м потребовал от подчиненных истребить двадцать миллионов жителей на оккупированных землях СССР. «Урал должен принадлежать немцам, а восточнее Урала нужно сделать так, чтобы там русских не осталось», – ставил задачу рейхсфюрер. Под

русскими гитлеровцы подразумевали и белорусов. На скамье подсудимых Герф «вспомнил»: лично у него этот приказ вызвал внутренний протест, а вот гауляйтер Кубе был полностью согласен с предлагаемой стратегией.

«На других оккупированных территориях Европы на самом деле существовало подобие судебной системы. У нас нет».

Герф также показал, что на день рождения Гимmlера всем высшим полицейским чинам дарили биографию Чингисхана и требовали на оккупированных территориях СССР копировать методы восточного завоевателя: беспощадно карать за малейшее сопротивление, стирать с лица земли города, практиковать массовые убийства.

Как это не дико, среди немецких бонз были и те, кто брался «перевыполнить план». Так, Эрих фон дем Бах-Зелевский, руководитель СС и полиции в Центральной России и Белоруссии, вдохновитель почти всех карательных операций, заявлял: следует уничтожить не двадцать, а тридцать миллионов мирного населения без суда и следствия только потому, что это славяне.

– Неужели в годы оккупации на территории Беларуси не действовало хоть что-то похожее на судебное право? – спрашиваю нашего эксперта. В ответ полный горечи взгляд, но я развиваю мысль: – Скажем, советские школьники изучали книгу Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее», в которой нацисты казнят антифашиста после неправого, но все-таки суда...

– Приведу красноречивый пример. Ганс Кох, криминал-комиссар гестапо и бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме, «прославился» зверствами не только в Беларуси, но и в той же Чехословакии, – говорит Вячеслав Селеменев. – Так вот, во время допроса в Минске этот палач утверждал, что там он «действовал иначе». На других оккупированных территориях Европы на самом деле существовало подобие судебной системы. У нас нет.

– Это предусматривал план «Ост»?

– Его довели только до высших чинов Рейха. Войсковые генералы и рядовые исполнители даже не подозревали о его существовании. Им просто сказали забыть о любых законах. И с немецкой педантичностью оккупанты стали действовать.

Так, генерал Герф утверждал, что еще за несколько дней до вторжения в СССР его ознакомили

Когда освободили Витебск, в нем находилось всего 118 жителей. До войны в городе проживало 180 тысяч человек. 1944 год

с приказом: «Войну с Советским Союзом следует считать отличной от всех предыдущих войн. Поэтому не стоит останавливаться перед убийствами женщин и детей, уничтожением целых районов». По словам немецкого генерала, после ознакомления документ у него изъяли, «чтобы не попал в руки Красной армии».

– К июню 1944-го линия фронта располагалась на рубеже Витебск – Орша – Могилев – Жлобин, – рассказывает Вячеслав Селеменев. – Прифронтовые города фашисты превращали в неприступные крепости, а, отступая, уничтожали их полностью, угоняя или убивая жителей. Кровавый хаос, который царил на оккупированной территории Беларуси весной – летом 1944 года, – это не что иное, как продолжение геноцида нашего народа.

На допросе 21 октября 1947 года генерал-лейтенант вермахта Эберхард фон Куровский, по приказу которого был создан лагерь смерти Озаричи, заявил: в декабре 1941-го, после первых поражений под Москвой, ставка немецкого верховного командования разослала во все армейские части документ без подписи, но с грифом «Приказ фюрера». Директива гласила, что при отступлении из населенных пунктов Советского Союза каменные постройки необходимо взрывать, деревянные сжигать, жителей угонять на работы. Поэтому немецкий генералитет не видел в разрушении советских городов ничего предосудительного, мол, обычное выполнение приказа, даже непонятно кем подписанного – то ли Кейтелем, то ли Йодлем, то ли самим Гитлером.

– Уничтожение населенных пунктов и проживающих в них мирных граждан немцы практиковали на протяжении нескольких лет сразу после поражения в битве под Москвой и отступления из первых временно оккупированных городов, – подчеркивает Вячеслав Селеменев. – Наиболее известным стало варварское уничтожение российского Орла, где взорвали все каменные школы, больницы и музеи. В Спасском-Лутовиново под Орлом уничтожили дом-музей писателя И.С. Тургенева, хотя

Процесс над военными преступниками в Гомеле: адвокаты немецких генералов выступали как прокуроры. 1947 год

строение никакой оборонительной или военной ценности не представляло. Население городов и окрестных деревень массово вывозили на Запад. Кто не мог ехать – глубоких стариков, тяжелобольных и женщин с грудными детьми – уничтожали сразу или отправляли в лагеря, где узники умирали от голода и болезней.

«Кровавый хаос, который царил на оккупированной территории Беларуси весной – летом 1944 года, – это ни что иное, как продолжение геноцида нашего народа».

На Минском процессе прокурор поинтересовался у вахмистра жандармерии Бруно Митмана, почему вместе с матерями расстреливали детей? Фашист ответил коротко: «Такой существовал порядок и приказ».

В Орле бесчинства творились под началом коменданта города генерал-лейтенанта Адольфа Гамана, который позже «управлял» Бобруйском. С его приездом для бобруйчан наступили черные дни. Гитлеровцы отправляли горожан в тюрьмы и лагеря за малейшую провинность: появление на улице после установленного времени, нарушение

светомаскировки, поход в близлежащую деревню за продуктами.

Когда фронт подошел к Бобруйску, Гаман занялся возведением оборонных сооружений. «Архитектурный талант» немецкого генерала позже в своих воспоминаниях оценил маршал Константин Рокоссовский. Все улицы города были забаррикадированы, в жилых домах разместили огневые точки, на перекрестках в землю врыли танки. Подступы к городу тщательно заминировали. Однако дать бой Красной армии Гаман не решился. 29 июня 1944 года немецкий генерал покинул Бобруйск, а еще через несколько дней сдался в плен, что однако не спасло его от суда и смертного приговора.

– Оборонные сооружения возводились под руководством немцев, – уточняет наш эксперт. – Но все работы выполняли бобруйчане, в большинстве случаев женщины, и советские военнопленные. Их заставляли работать до упада и почти не кормили.

Зондерфюрер немецкой комендатуры в Бобруйске Рейнгард Молл рассказывал на следствии, что

для обороны города вокруг него была создана пятикилометровая так называемая охранная зона. Фактически это означало, что со всех окрестностей вывезли жителей, а их жилища либо уничтожили, либо разобрали на стройматериалы для укреплений. По словам Молла, во время этой операции его подчиненные депортировали в Германию более девяти тысяч человек, среди которых было много пожилых людей.

«Особое обращение», «эвакуация», «умиротворение» – все это означало массовые расстрелы.

Нетрудоспособное население вывозили в лагерь, где, согласно показаниям других военных преступников, расстреливали. Эти действия назывались «зондербехандлунг» («особое обращение»), что на птичьем языке гитлеровцев означало «уничтожение».

– В приказах и документах немцы часто использовали иносказания для обозначения варварских

Дела генералов Траута и фон Куровского хранятся в Национальном архиве Беларуси

расправ над мирным населением. То же «особое обращение», «эвакуация», «умиротворение» – почти десяток вполне нейтральных фраз. На деле все они означали одно – массовые расстрелы, – говорит научный сотрудник Национального архива.

Бобруйских детей до 12 лет ждала другая участь: их грузили в вагоны и везли под Марьину Горку, в печально известный лагерь Скобровка.

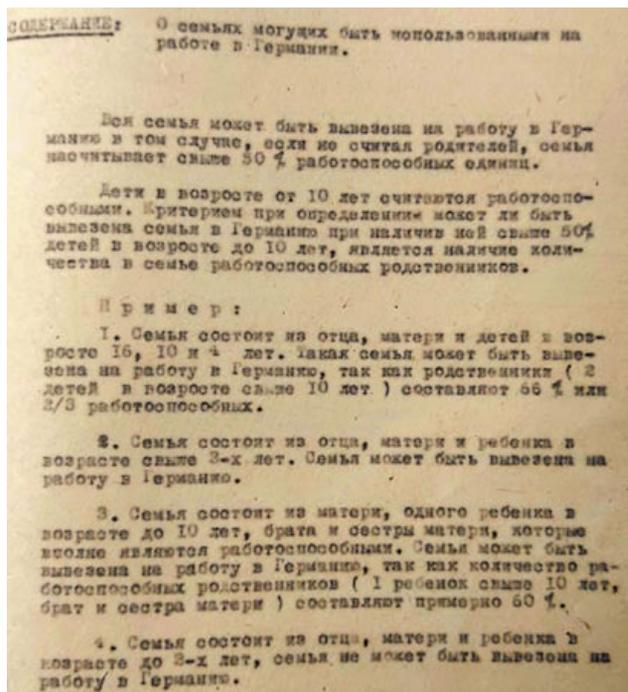
Аналогично обстояли дела и в других городах оккупированной Беларуси. На допросе 29 мая 1945 года генерал-лейтенант Ганс Траут рассказал: население в районе Орши немцы массово использовали на строительстве оборонительных сооружений и ремонте дорог. Из тысячи двухсот насильно согнанных граждан сформировали пять женских и два мужских трудовых батальона. Вышестоящее начальство приказало Трауту увеличить количество рабочих до двух тысяч человек, но генерал «так и не смог собрать необходимое число работников», всех до этого отправили в Германию.

Подчиненный Траута Эммерих Лерхер «вспомнил» о женщинах, которых заставляли строить оборонительные укрепления: «Их использовали на чрезмерно тяжелых работах, они рыли противотанковые рвы, котлованы и участвовали в работах по строительству дзотов. Я видел этих женщин на протяжении 7–8 недель. Они были измучены и обессилены, так как их заставляли работать от темна до темна».

Позже, по словам Лерхера, узниц вывезли на каторгу в Германию.

Подтверждая слова Лерхера, оберфельдфель Вилли Фурман рассказал: «Я лично видел в двенадцати километрах восточнее города Орши около 120 девушек из местного населения возраста 16–18 лет, помещенных в землянки. На передовой они работали на принудительных работах до момента отступления дивизии».

На суде генералу Трауту зачитали два подписанных им приказа. Первый о том, что при отходе из городов необходимо сжигать и взрывать все, что осталось целым, население «эвакуировать», а всех, кто отказывается уезжать, – расстреливать на месте. Второй – уничтожить Оршу как город и взорвать все мосты.

Из дела генерала Траута: семьи с детьми вывозили на работы в Германию по разнарядке

– На суде также несколько раз прозвучало обвинение Трауту в нарушении законов ведения войны, – отмечает Вячеслав Селеменов. – Во-первых, гражданских заставляли строить оборонительные сооружения у самой линии фронта, где они попадали под перекрестный огонь советской и немецкой артиллерий. Во-вторых, военнопленных без необходимого опыта использовали на разминировании. Оба военных преступления привели к многочисленным жертвам среди безоружных людей. Траут эти смерти не отрицал, но вину спихивал на подчиненных.

Свидетельствуя о «героизме» начальства, военнопленный Генрих Ньюблинг из 78-й штурмовой дивизии вермахта рассказывал, что в начале 1944 года из Орши и близлежащих деревень всех жителей «выселили» в тыл: «Из числа выселенных отобрали 600 мужчин и женщин, которых использовали на непосильных работах по строительству оборонительных сооружений... Выделенные для охраны и конвоирования солдаты заставляли этих граждан работать на самых опасных участках под

артиллерийским огнем, в результате чего многие были убиты и ранены».

Тот же Нюблинг поведал следствию, как генерал-лейтенант Траут, получив приказ от вышестоящего начальства оставить Оршу, не подчинился, удерживал город еще два дня и в конце распорядился «все имеющиеся на участке большие дома, промышленные предприятия и учреждения взорвать и сжечь».

Военнопленный Эммерих Лерхер также «вспомнил» приказ Траута: «Там было сказано Оршу защищать до последнего человека, на путях отхода взорвать мосты и заминировать дорогу, чтобы ни один солдат из Орши не мог уйти. В городе взорвать все здания, представляющие какую-либо ценность. На моих глазах саперы нашей дивизии взорвали четыре трехэтажных дома, и из этих домов огонь перекидывался на остальные постройки».

В 78-й дивизии, которой командовал Траут, распространялась специальная методичка, какие семьи следует вывозить с оккупированной территории: «если, не считая родителей, семья насчитывает свыше 50 % работоспособных единиц. Дети от десяти лет считаются работоспособными».

Курт Меретик из 102-й пехотной дивизии поведал следствию, как угонял в Германию жителей Петрикова и Калинковичей, разбирая на стройматериалы дома местных жителей, сжигая то, что нельзя было использовать.

– Как называлась ваша дивизия? – спросил следователь.

– Я слышал, что ее называли «Бранд-Дивизион», что на русском означает «Дивизия поджигателей», – последовал ответ.

– Почему 102-я пехотная дивизия называлась «Бранд-Дивизион»? – уточнил следователь.

– Дивизия занималась поджогами. Начиная с Калинковичей, мне эти факты известны, – кратко бросил Меретик.

Но разрушение жилищ мирного населения не шло ни в какое сравнение с другим страшным преступлением оккупантов. В Гомельской области они методично охотились за детьми и подростками. Из показаний Лукерьи Янович из Калинковичей: «Часть, занимавшаяся угоном населения

в Германию, подъезжала на машинах к домам, забирала юношей и девушек, затем отвозила на автомашинах на железнодорожную станцию, где находилось место сбора в здании бывших складов „Заготзерно“, которые были огорожены досками и колючей проволокой в два ряда, охранялись солдатами».

По свидетельству Янович, детей массово похищали с улиц и из квартир. Ей вторила Лариса Зинкевич, жительница Петрикова, которой на тот момент исполнилось четырнадцать лет. По ее словам, в мае 1944 года в пять часов утра в их квартиру вломилась пара немецких солдат, приказали собираться и идти в комендатуру. «Улица была оцеплена солдатами, было большое количество молодежи, – рассказывала Зинкевич. – Спустя некоторое время стали подходить машины, крытые брезентом. В эти машины немцы бросали детей, несмотря на их плач. Это было просто ужасно. Матерей, которые хватались за своих детей или подходили к автомашинам с набросанными внутрь детьми, солдаты избивали прикладами».

«Гражданских заставляли строить оборонительные сооружения у самой линии фронта, где они попадали под перекрестный огонь советской и немецкой артиллерий».

Позже малолетних узников отправили в Сковровку.

– Детей и подростков в последние месяцы войны забирала у родителей повсеместно, – говорит Вячеслав Селеменев. – Так, подполковник Гайнц Франке, бывший командир 727-го полка 707-й охранной дивизии, в июне 1944 года приказал изъять в деревнях Петриковского района более трехсот детей школьного возраста, которых сразу отправили в специальный лагерь около Марьиной Горки. В обвинительном заключении Бобруйского процесса по этому поводу есть отметка: «Следствием установлено, что дети использовались в качестве доноров».

Генерал Гюнтер Кламт, бывший командир 6-й пехотной дивизии, 13 марта 1944 года отдал

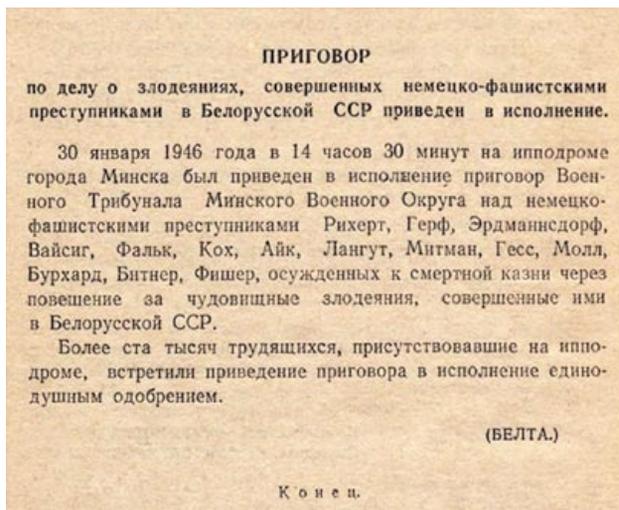

Казнь нацистских преступников на ипподроме в Минске.
30 января 1946 года

подчиненным приказ об угоне трудоспособных жителей Жлобина и прилегающих к нему деревень на принудительные работы в Германию. После расправы с населением в Жлобине взорвали и сожгли четыре тысячи жилых домов, вокзал, железнодорожный мост через Днепр, электростанцию, депо, железнодорожные постройки и пути.

– Кламт поведал советским следователям: при вступлении его дивизии в Жлобин стало ясно, что в городе много больных сыпным тифом. Ситуацию немецкий генерал охарактеризовал как эпидемию, – рассказывает наш эксперт. – Однако по его же приказу горожан вместе с жителями других населенных пунктов отправили в Бобруйск, здоровых вперемешку с больными, обрекая и тех и других на мучительную смерть. Последние недели оккупации дороги были забиты людскими колоннами: гнали в Германию или в лагеря, из тюрем в восточной части страны переправляли в немецкий тыл. Сохранились многочисленные свидетельства: при подозрении на тиф угнанных умерщвляли. При конвоировании из тюрьмы в тюрьму или из лагеря в лагерь гитлеровцы регулярно вывозили в неизвестном направлении часть узников, больше живыми их никто не видел.

Вячеслав Селеменев поведал и страшные подробности битвы за Могилев. По приказу генера-

Сообщение БЕЛТА о казни немецких генералов в Минске

ла фон Эрдманнсдорфа весной 1944-го в городе создали два лагеря, где находилось около тысячи мирных граждан, которых немцы принудительно отправляли на возведение оборонительных сооружений. Рабочих рук отчаянно не хватало, и вскоре последовал новый приказ, согласно которому нетрудоспособное население лишили продкарточек и депортировали из города. Из показаний Эрдманнсдорфа: «Вывоз нетрудоспособного населения на восточный берег Днепра в направлении наступления противника преследовал военные цели: во-первых, сохранить нужное количество продовольствия для частей немецкой армии; во-вторых, создать живое препятствие в наступлении частей Красной армии. Всем было ясно, что данное мероприятие безусловно приведет к физическому уничтожению мирного населения, ибо оно должно было подвергаться обстрелам как со стороны наступающей Красной армии, так и отступающих немецких частей».

К счастью, стремительный успех операции «Багратион» положил конец бесчеловечной гитлеровской стратегии выжженной земли.

– Восточная часть Беларуси пострадала сильнее западной, – отмечает научный сотрудник Национального архива. – На западе гитлеровцы по понятной причине не успели расправиться с

мирными жителями и испепелить города. Впрочем, даже это обстоятельство пленные немецкие генералы постарались записать в свой актив. Так, Клатм на допросе 23 июня 1947 года заявлял: «При отступлении от Днепра к Минску населенные пункты также не сжигались, чтобы незаметно выйти из окружения».

...С последней перевернутой страницей архивных документов словно что-то переворачивается и в душе. Боль и шок, злость и... недоумение. Оказывается, по приговору суда казнили не всех гитлеровских палачей, а лишь тех, кто «участвовал» в Минском процессе. Уже 26 мая 1947 года смертную казнь в СССР отменили. Поэтому приговоренным на Бобруйском и Гомельском процессах исключительную меру наказания заменили на 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

«Гитлеровцы регулярно вывозили в неизвестном направлении часть узников, больше живыми их никто не видел».

– Но даже эти сроки генералы не отбыли, – рассказывает Вячеслав Селеменев. – В 1955 году более четырнадцати тысяч немецких военнопленных, от рядовых до высших офицеров, передали ФРГ. Западная Германия и СССР тогда установили дипломатические отношения, их требовалось скрепить «символическим жестом», который получился настолько широким, что немецким генералам, убывающим на Запад, выдали новые драповые пальто, фетровые шляпы и сухпайки с икрой. Одним из них был Эберхард фон Куровский, создатель лагеря смерти в Озаричах.

И не только он. Многие представители германского генералитета, совершавшие неприкрытый

Справка

Копия

Описание работы по учету количества вывезенных из Белорусской ССР (по приговору Белорусского Государственного Трибунала) немецких военнопленных

<i>№ п/п</i>	<i>Область</i>	<i>Учитывается всего немецких военнопленных</i>	<i>Убиты, ранены на войне немцы</i>	<i>Уничтожены в лагерях смерти</i>
1	<i>Минская</i>	<i>317515</i>	<i>101590</i>	<i>20315</i>
2	<i>Могилевская</i>	<i>71602</i>	<i>59134</i>	<i>21436</i>
3	<i>Витебская</i>	<i>151421</i>	<i>92391</i>	<i>63434</i>
4	<i>Смолнская</i>	<i>53630</i>	<i>114476</i>	<i>13745</i>
5	<i>Бобруйская</i>	<i>32194</i>	<i>54013</i>	<i>15275</i>
6	<i>Колодзская</i>	<i>105211</i>	<i>157007</i>	<i>52599</i>
7	<i>Коростовская</i>	<i>37931</i>	<i>3120</i>	<i>23047</i>
8	<i>Гродненская</i>	<i>111208</i>	<i>41330</i>	<i>55955</i>
9	<i>Брестская</i>	<i>159526</i>	<i>33353</i>	<i>5003</i>
10	<i>Беларусовитовская</i>	<i>131179</i>	<i>38407</i>	<i>33773</i>
11	<i>Литовская</i>	<i>95335</i>	<i>24613</i>	<i>30361</i>
12	<i>Молодотинская</i>	<i>42373</i>	<i>34652</i>	<i>3323</i>
		<i>1.409.225</i>	<i>310.091</i>	<i>377.776</i>

Итого Убитых и раненых на войне 2.219.316 чел.

Послевоенная справка Чрезвычайной государственной комиссии. Данные о количестве погибших уточняются до сих пор

геноцид нашего народа, в том числе в Озаричах, после войны спокойно жили в Западной Германии.

Но Беларусь не собирается забывать злодеяния гитлеровцев. В ходе расследования уголовного дела о геноциде за полтора года выяснилось, что уничтоженных фашистами деревень было гораздо больше. Некоторые из них повторили судьбу Хатыни. Открываются новые зловещие факты и подробности. А для этого нет срока давности.

Алексей ГОРБУНОВ

Использованы материалы Национального архива Республики Беларусь